

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

М. И. Сухомлинова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ХХІІ^{МУ} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1873.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Баунова, въ С. П. Б.	Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.	Г. Шницдорфа, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.	Н. Каммеля, въ Ригѣ.
А. А. Черкесова, въ С. П. Б.	Эпфяджянца и Комп., въ Тифлисѣ.
А. Е. Кехрибарджи, въ Одессѣ.	

Цена 25 коп.

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

(Записка Академика М. И. Сухомлинова.)

Въ ряду произведеній нашей повѣствовательной литературы Шемякинъ Судъ заслуживаетъ вниманія какъ по своему содержанию и характеру, такъ и по тѣмъ даннымъ, которыя онъ представляетъ для разясненія состава и происхожденія литературныхъ памятниковъ нашей старины. Въ XVII столѣтїи люди книжные списывали и вносили въ сборники повѣсть о судѣ Шемяки, интересовавшую ихъ своимъ сатирическимъ складомъ, своими забавными и остроумными подробностями. Въ XVIII вѣкѣ являлись передѣлки этого памятника, которому отводили мѣсто въ ряду образцовыхъ сатирическихъ произведеній, подобно баснямъ и притчамъ Сумарокова. Въ наше время ученые, какъ русскіе, такъ и иностранные, касаются преимущественно вопроса о составѣ памятника и соотношеніи его съ однородными произведеніями восточныхъ и западныхъ литературъ. Указывая на связь его съ условіями русскаго быта и общественной жизни, относятъ его къ тому же разряду, какъ и сказку о Ершѣ Ершовичѣ и лубочную картину «мыши кота погребаютъ».

Шемякинъ Судъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ конца XVII и начала XVIII столѣтїя. Лучшимъ спискомъ называли тотъ, который находится, хотя и въ неполномъ видѣ, въ рукописи Бѣльскаго: «доселѣ — говоритъ Сахаровъ — не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто-либо другой». ¹⁾ Списки, изданные

¹⁾ Русскія народныя сказки. 1841, стр. 269—270.

впослѣдствіи не представляютъ между собою существеннаго различія.

Шемякинъ Судъ послужилъ сюжетомъ не только для литературы, но и для народного искусства. Лубочныя картинки, числомъ двѣнадцать, помѣщенные на одномъ листѣ, изображаютъ двѣнадцать событій мудренаго суда: бѣднякъ проситъ у богатаго лошади; бѣднякъ верхомъ на лошади, привязанной хвостомъ къ дровнямъ; бѣднякъ проситъ у богатаго прощенія, что оторвалъ хвостъ у его лошади; бѣднякъ падаетъ съ палатей; бѣднякъ падаетъ съ моста; передъ судьей Шемякой: бѣднякъ съ своимъ богатымъ братомъ, съ отцомъ задавленнаго имъ ребенка и съ сыномъ убитаго имъ старика; бѣднякъ мирится съ братомъ и съ двумя другими противниками; судья радуется избавленію отъ угрожавшей ему гибели.

Тѣже сюжеты, только съ несравненно большимъ искусствомъ представлены и въ одинадцати гравюрахъ, изданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія писателемъ-художникомъ, скрывшимъ свое имя подъ буквами А. О. (быть можетъ Алексѣй Оленинъ). Текстъ этого изданія есть переложеніе разсказа лубочной картины въ стихи, разбавленные сентенціями по тогдашнему литературному обычаю. Гравюры изображаютъ тѣ же самыя событія, что и лубочныя картинки и въ той же послѣдовательности, только три сцены истцовъ и отвѣтчика передъ судьей Шемякой замѣнены двумя, изображающими подсудимыхъ передъ Шемякою и рѣшеніе судьи Шемяки. Аляповатыя фигуры лубочныхъ картинъ замѣнены довольно изящными фигурами въ русской одеждѣ и съ русскими лицами; вмѣсто ассирійскихъ и византійскихъ оруженосцевъ являются русскіе мужички. — Издатель говоритъ, что Шемякинъ Судъ «рѣдокъ стариною своею, онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія уложенія, ибо на спасскомъ мосту еще при царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ картинами. Уповательно, что онъ забавнымъ своимъ происшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ, и въ младенчествѣ законодавцу соборнаго уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ народѣ какъ въ тѣ

времена, такъ и нынѣ весьма употребительнымъ»²⁾. Стихи, поэта-гравера въ такомъ родѣ:

Смиренно богачу бѣдняга поклонился,
 Лошадки съ хомутомъ онъ просить у него,
 И милости сей ждетъ отъ брата своего.
 Богатый, бѣдности не чувствуя мученья,
 Исполнить просьбы сей не могъ безъ огорченья,
 Съ великимъ сердцемъ онъ лошадку брату далъ,
 А въ хомутѣ ему и вовсе отказалъ.
 Не знаетъ нашъ бѣднякъ что дѣлать и съ лошадкой;
 Но способъ наконецъ сыскать своей догадкой,
 Что къ лошади за хвостъ возъ дровъ онъ привязалъ,
 И сѣвши на дрова онъ прытко погонялъ....

Независимо отъ забавнаго содержанія въ пьесѣ видѣли своего рода мораль: при всей своей оригинальности судъ оказывается въ сущности справедливымъ и безобиднымъ, что и выражается въ заключительныхъ стихахъ переложения:

Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезень:
 Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія вышло въ свѣтъ на нѣмцкомъ языкѣ описаніе лубочной картины Шемякина Суда, которое дало возможность иностраннымъ любителямъ народной словесности ознакомиться съ замѣчательною русскою сказкой. Въ журналѣ или точнѣе альманахѣ на 1808 годъ, изданномъ Гейдеке въ Ригѣ подъ названіемъ: Janus, въ числѣ нѣсколькихъ статей, относящихся къ исторіи русской образованности, какъ на примѣръ: о введеніи и развитіи книгопечатанія въ Россіи, исторія русскаго театра отъ начала его до Волкова, описаніе русскаго посольства во Францію и въ Испанію въ 1667, и др.,

²⁾ Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ Баснями въ лицахъ. Москва. 1794.—Въ предисловіи къ читателю: «за излишнее почитаю представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякій читатель въ скучное время нашелъ свое удовольствіе какъ въ стихахъ, такъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.»

помѣщенъ въ концѣ перваго выпуска Шемякинъ Судъ подѣ заглавіемъ: Etto Schemäkin sud (ein russisches sprichwort ³).

Рижское изданіе Шемякина Суда не прошло незамѣченнымъ и безслѣднымъ. Иностранные ученые пользовались имъ, и, какъ видно изъ труда Бенфея, пользуются до настоящаго времени, обращая вниманіе на сходство русскаго памятника съ памятниками другихъ литературъ. Года черезъ три послѣ изданія Гейдеке извѣстный знатокъ и изслѣдователь германской старины Фон-дер-Гагенъ указалъ, хотя и вскользь, на подобное сходство, именно на связь Шемякина Суда съ нѣмецкою пѣснію о Судѣ Карла Великаго ⁴).

Гораздо ближе къ подлиннику, нежели у Гейдеке, нѣмецкій переводъ Шемякина Суда, изданный Дитрихомъ, получившимъ оригиналъ отъ И. М. Снегирева. Къ изданію, заключающему въ себѣ семнадцать русскихъ сказокъ, приложено предисловіе Якова Гримма ⁵).

³) Janus oder Russische Papiere. Eine zeitschrift für das jahr 1808. Herausgegeben vom Probst Heideke. Erstes heft. Riga. 1808. — Etto Schemäkin sud: ein uraltes volkmärchen gab zu diesem sprichworte anlass. Es heisst auf deutsch: das ist geurtheilet wie Schemäkin und wird immer gebraucht, wenn jemand de-raisonnirt, schief urtheilt, albern abspricht. Eine erklärang hierüber kann ich nicht besser geben, als wenn ich die beschreibung des zerrbildes, welches Schemäkins ritterliche prozedur in 12 quadraten in kupfer gestochen vorstellt, mittheile. Dabei erhalten die leser zu gleicher zeit ein pröbchen von national-fabeln im volkstone, aber mehr dürfen sie nicht erwarten (ср. 147—151).

⁴) Literarischer grundriss zur geschichte der deutschen poesie von der ältesten zeit bis in das sechzehnte jahrhundert durch F. H. von der Hagen und J. G. Büsching. Berlin. 1872. s. 172.... Karls Recht, ein meistergesang.... Docen in uns. mus. II, 276—83, wo ein auszug und mehr von den englischen und italienischen darstellungen dieser fabel. Von einer russischen vgl. die zeitschrift Janus, st. 1. — Aehnliche erzählungen aus Karls jugend in der deutschen prosa von seinem leben. Ueberhaupt war im mittelalter, wie Artus durch seine milde, so Karl durch seine strenge rechtspflege berühmt, und häufig sind bei den minnesigern beziehungen auf Karls Recht....

⁵) Russische Volksmärchen in den urschriften gesammelt und ins deutsche übersetzt von Anton Dietrich. Leipzig. 1831. Das Urtheil des Schemjaka, ср. 187—191.

Вольный переводъ Гейдеке перепечатанъ Бенфеємъ въ его извѣстномъ сочиненіи: «Панчатантра». Бенфей выводитъ русскую повѣсть о судѣ Шемаки изъ предполагаемаго, но пока еще не открытаго, индійскаго источника, и посредствующимъ звеномъ считаетъ сказку тибетскую. Устная передача и постепенныя примѣси, по его мнѣнію, чрезвычайно измѣнили первоначальный видъ произведенія. Бенфей приводитъ, какъ однородныя съ рус-

Приводимъ нѣсколько выдержекъ для сравненія изъ изданій Гейдеке и Дитриха.

Текстъ лубочныхъ картинъ.

Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: одинъ богатый, а другой убогій. Прииде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ....

Janus, von Heideke.

Es lebten in einem lande zwei brüder. Davon war der eine reich, der andre arm. Einst kam der letzte zu dem erstern und bat ihn ihm sein pferd zu leihen um damit holz aus dem walde zu führen. Der reiche wollte anfänglich nicht dran. Endlich gab er es ihm, doch schlug er ihm das geschirr dazu ab. Dem armen blieb nichts übrig als den schlitten an den Schweif des pferdes zubinden....

Russische Volksmärchen, von Dietrich.

Auf einigen grundstücken lebten zwei brüder; der eine war reich, der andere arm. Da kam der arme bruder zu dem reichen um ihn um ein pferd zu bitten, damit er hoiz aus dem walde holen könnte. Der reiche gab ihm das pferd und der arme fing nun auch an um ein kummet zu bitten; der reiche aber zürnte auf den bruder und gab ihm kein kummet. Der arme bruder aber kam auf den gedanken, schlitten dem pferde an den schweif zu binden....

Судья же Шемака выслалъ слугу къ убогому просить денегъ триста рублевъ. Убогій же показавъ камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же прииде къ судѣ и сказа про убогаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти. Судья же нача креститися: слава Богу, что я по немъ судилъ.

Er schickte seinen Bedienten zu dem, den seine wohlwollende billigkeit losgesprochen hatte, und liess ihn um 300 rubel ersuchen. «Hätte mich der herr richter nicht losgesprochen, erklärte dieser, so wäre ihm der stein an den kopf geflogen». Nun so sei Gott gelobt, sagte Schemäka, dass ich mich so klug aus dem handel zog.

Der richter Schemjaka schickte seinen diener zu dem armen um drei hundert rubel zu verlangen. Der arme aber zeigte ihm den stein und sprach: «wenn der richter nicht für mich entschieden hätte, so würde ich ihn getödtet haben». Der diener kam zu dem richter und sagte von dem armen, wenn er nicht für ihn entschieden hätte, so würde er ihn mit dem steine getödtet haben. Der richter fing an sich zu bekreuzen und sprach: «Gott sei dank, dass ich zu seinem besten entschieden habe».

скою повѣстью: тибетское сказаніе изъ Дзанглуна, сказку о каирскомъ купцѣ и пѣсню о судѣ Карла Великаго ⁶⁾).

Русскій переводъ той же тибетской сказки Дзанглуна помѣщенъ г. Пыпинымъ въ статьѣ его о Шемякинѣ Судѣ вмѣстѣ съ текстомъ памятника, изданнаго по двумъ спискамъ: Толстовскому и Забѣлинскому ⁷⁾).

Въ исторической хрестоматіи церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ г. Буслаевъ помѣстилъ въ числѣ помятниковъ языка семнадцатаго вѣка и Шемякинъ Судъ по списку, принадлежащему самому г. Буслаеву. Ученый издатель говоритъ: «Эта сатира, основанная на преданіи о князѣ Шемякѣ, относится къ тѣмъ смѣхотворнымъ повѣстямъ, которыхъ большая часть была заимствована изъ польскихъ книгъ. Впрочемъ отсутствіе полонимовъ въ Судѣ Шемякинѣ говорятъ въ пользу русскаго происхожденія этой сатиры на судей и подьячихъ. Рядъ судовъ Шемяки напоминаетъ апокрифическіе суды Соломона, встрѣчающіеся въ палѣхъ и хронографахъ, и какъ бы противопоставляетъ кривосудіе Шемяки правосудію Соломонову» ⁸⁾).

Г. Тихонравовъ въ статьѣ своей: «Шемякинъ Судъ» приводитъ, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, сходныя съ русскою повѣстью сказанія, собранныя въ книгѣ Бенфея, и въ свою очередь указываетъ сходныя черты въ произведеніяхъ польской литературы. Въскія указанія почтеннаго автора заключаются слѣдующею, вполне вѣрной характеристикой памятника: «Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западноевропейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается убогій, изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ слу-

⁶⁾ Panchatantra: fünf bücher indischer fabeln, märchen und erzählungen. Aus dem Sanskrit übersetzt mit einleitung und anmerkungen von Theodor Benfey 1859. I. стр. 394—404.

⁷⁾ Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. 1859. Книга четвертая, стр. 1—10.

чайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самого Шемяки судьбы»⁹⁾.

Справедливость вывода г. Тихонравова подтверждается текстомъ сказки, записаннымъ со словъ народа и помѣщеннымъ въ замѣчательномъ изданіи покойнаго Аванасьева¹⁰⁾. Признавая, что повѣсть о судѣ Шемяки сдѣлалась вполне народнымъ достояніемъ, ибо изъ устъ поселянъ можно слышать ее съ различными видоизмѣненіями, Аванасьевъ находитъ одинаково возможнымъ одно изъ двухъ: или народная фантазія овладѣла книжнымъ разсказомъ и стала его варіировать посвоему, или же самая книжная редакція есть только обработка устнаго народнаго разсказа, принадлежащая перу стариннаго грамотника. Въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аванасьева приводится какъ устная, такъ и книжная редакція повѣсти.

На основаніи данныхъ, представляемыхъ какъ устною словесностью народа, такъ и старинными рукописями и лубочными картинками, повѣсть о судѣ Шемяки является въ слѣдующемъ, наиболѣе полномъ, видѣ:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата¹¹⁾: богатый и убогий. Нанялся убогий къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи. Приносить убогий домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-на-всего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть ее да хлѣбовъ на печь—поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, бу-

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ—какъ чортъ богатъ, другой—до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не было ни единого дѣтища, а у бѣднаго девять сыновъ. Однажды повстрѣчалъ братъ брата и говоритъ богатый убогому: «послушай, тебѣ самому ѣсть нечего, не токма дѣтей прокормить, а я по милости Божіей, ни въ чемъ не знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю тебя за то и хлѣбомъ и деньгами». — Пойди! у жены спрошу: что скажетъ, такъ тому и быть! — Спросился у жены, она и слушать не хочетъ: «чертъ съ нимъ и съ его добромъ! я сына своего ни за какія деньги не продамъ». Говоритъ убогий богатому, что жена не со-

⁸⁾ Историческая хрестоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ. 1861. стр. 1443—1448.

⁹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности. Т. III. Книжка пятая. 1861. Смѣсь и библиографія, стр. 34—38.

¹⁰⁾ А. Н. Аванасьева, Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый. 1861, стр. 82—84. Выпускъ восьмой. 1863, стр. 325—330.

¹¹⁾ Въ иныхъ спискахъ: «два пустытника»; въ другихъ — «два брата земледѣльцы».

демъ и мы съ хлѣбомъ». — Не пойду, сказалъ убогій; все одно: проси, не проси, не дастъ онъ быковъ! — «Ступай! теперь братъ въ большой радости: родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошолъ убогій къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, забороновалъ, управился и — домой. Ёдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, добрый человекъ!» — Здорово, старикъ! — «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?» — Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. — «А быки чьи?» — Быки братиныны. — «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай что знаешь: или сынъ у него помретъ или быки издохнутъ». Подумалъ-подумалъ убогій: жалко ему и быковъ и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!» Будъ потвоему, сказалъ старецъ, и пошолъ дальше. Сталъ подѣлывать убогій братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ же издохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому: «прости, говоритъ, безъ вины виновать. Ужъ такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали». — «Какъ пропали? нѣтъ, любезный, со мною такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами». И повезъ его къ праведному судѣ¹²⁾.

Будутъ они къ праведному судѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга, лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извозчика, шаркнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите добрые люди, выручите изъ бѣды!» — сталъ просить извозчикъ.

Богатый же ссужая много лѣта убогова и не може его скудости исполнить, и по нѣколику времени приде убогій къ богатому просити лошади на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый не хотя убогому брату лошади дати и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. И нача у него просити: хомута нѣтъ, и

Приде убогій братъ къ богатому лошади просити на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздити, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошать; богатый же вознегодовать на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ, и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ великъ елико сила можетъ

¹²⁾ Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 82—83.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 83. Варіантъ.

«Дай сто рублевъ», говорить богатый. — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ. — «Ну, самъ и вытаскивай». — Пойстой, говорить убогий, я тебѣ задаромъ помогу. — Соскочилъ съ сани, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить; понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извошникъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?» — «Ахъ, братъ, сказалъ богатый извошнику, что съ нимъ долго разговаривать! садись со мной да поѣдемъ къ праведному судиѣ.

оскорбился на него богатый братъ, и нача ему поносить и рече ему: како, брате, что у тебя и кому-та нѣтъ! И не даде ему кому-та. Убогий же поиде къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привязавъ дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ; и насѣкши дровъ и наклади на дровни елико лошади возможно везть и повезе къ двору своему. И привезши дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ; лошадь же изъ всей мочи бросаясь зъ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогий же вземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ же разсмотри, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и поиде на него бить челомъ во градъ въ лошади. За нимъ же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка.... чтобъ ему ѣзду приставамъ не платить.

лошади везти и приѣхалъ ко двору своему, и отворилъ ворота, а подворотню забывъ выставить; лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогий къ богатому привеле лошадь безъ хвоста. Богатый же видѣ лошадь безъ хвоста, не принявъ у него лошади, и поиде на убогаго бить челомъ къ Шемякѣ судѣ. Убогий, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка — у гонова давно смѣчена, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, приѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатый, съ извошникомъ пошли въ избу, а убогий стоитъ на морозѣ; смотреть — копаютъ мужикъ глубокий колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня; ахъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя нъ колодезь, только себя не доконалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судиѣ.

И приидоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый поиде ночевать въ палу, а убогий поиде въ комству. Убогий же братъ прииде къ тому же попу, и прииде ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывать про лошадь свою чего ради идетъ въ городъ; потомъ нача попу зъ богатымъ ужинать и пити и ясти. Убогий же нача съ полатей смотреть что попу зъ братомъ его пьсть и ѣсть, а его не позовутъ, и незапу убогий урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же видѣ сына своего смерть и совершася (совершася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бить че-

И приидоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ же нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться; убогаго пригласить не хотяху къ себѣ. Убогий же вниде на полати, негладывая на нихъ и внезапно упалъ съ полатей, и задалъ ребенка въ зыбку до смерти; мужикъ же поиде къ Шемякѣ судѣ на убогаго бить челомъ.

ломъ на убогаго же въ убиствѣ сына своего. И придоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій же иде за нимиже.

И внидоша всѣ во градъ, и какъ убогій пойде мостомъ — мость же сдѣланъ надъ глубокимъ ровомъ — и нѣкій человекъ житель того града рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій же размысливая въ себѣ, что ему отъ брата и поща будетъ погибель, и умысли въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упалъ на стараго человека — сына его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Тогожъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку.

Убогій же мысляше какъ бы ему бѣды избыти, и умысли взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку, и ста передъ судьею, и принесе братъ его исковую челобитную въ лошади и подаде судѣ. Судья же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати. Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платъ заверченный камень и показавъ де и поклонися.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогій загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына». — Нѣтъ, сказалъ богатый, пусть лучше быки пропадаютъ.

Говоритъ праведный судія: «пусть убогій купитъ тебѣ новую лошадь, а ты, богатый, отдай ему сына: вѣдь онъ тебѣ сы-

Судія же надѣяся, что ему отъ дѣла сулить, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не ежи до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ вырастетъ: въ то время у него лошадь возьми».

Потомъ нача другій судъ быти, и подаде поппъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій также выня-

Идущимъ же имъ ко граду купно богатый братъ и онъ мужикъ, убогій же за ними идяше; прилучися имъ идти высокимъ мостомъ, убогій же иде съ ними и разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки, и бросился съ мосту — хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ отца везетъ хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ поиде бить челомъ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ прииде къ Шемякѣ судѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подня камень и завязалъ въ платъ, и кажетъ позади брата и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станеть судить, то я его ушибу до смерти.

Судья же чая, что ему сто рублейъ даетъ отъ дѣла, и приказалъ богатому отдать убогому лошадь, пока у нея хвостъ вырастетъ.

Потомъ прииде мужикъ, подаде челобитну въ убивствѣ младенца и нача бить челомъ; убогій же вынявъ тотъ же камень и показа

на вымогилъ, а ты его добра не попомнилъ¹⁴⁾.

платъ съ каменемъ и такоужь судѣ показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другаго суда сулилъ убогій же. Рече судья попу: когда той убогій ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадью.

Потомъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевѣ смерти, что тотъ убогій же бросился съ мосту, ушибъ у него отца. Убогій же вынявъ изъ шапки тотъ же заверченный камень въ платъ и показъ судѣ. Судья же чая, что ему третій узолъ сулилъ и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты, убогій же, стань подъ мостомъ, и съ мосту бросись на того убогаго, якоже бросился на отца своего. Убогій же нача Бога хвалити, что судья по немъ судъ судилъ.

Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказовъ, и нача богатый просити убогаго лошади своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выростеть, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богатый же даде убогому брату своему 200 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ(хвоста).

Потомъ же убогій нача попадью просити по судейскому указу, чтобы ему взявъ попадью ребенка у ней добыть и съ рабенькомъ бы попу попадью отдать.

Попъ же нача убогому бить челомъ, чтобы у него попадья не ималъ, а убогій же нача носиться и попадью хотя у попа взяти, и даде попъ убогому за попадью 50 рублевъ

судѣ позади мужика. Судья же чая другое сто рублевъ даетъ отъ другаго дѣла и приказалъ: мужику отдать убогому жену по тѣхъ мѣстъ, пока у ней ребенка сдѣлаетъ, и ты въ тѣ поры возьми къ себѣ жену и съ рабенькомъ назадъ.

Принде сынъ обѣ отцѣ бить челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитну на убогаго. Убогій же вынужъ тотъ же камень и кажетъ судѣ. Судья же чая сто рублевъ даетъ отъ дѣла и приказать: сыну стать на мосту, а ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также скочи съ мосту на убогаго и застави его до смерти.

Принде убогій брать къ богатому по судейскому приказу лошади прошать безъ хвоста, пока у ней выростеть хвостъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати; даде ему денегъ 50 рублевъ да три четверти хлѣба да козу дойную, и помирися съ нимъ вѣчно.

Принде убогій брать къ мужику и нача по судейскому приказу жену прошати, и хотяше изъ нея ребенка такого же сдѣлать.

Мужикъ же нача съ убогимъ мириться и даде убогому 50 рублевъ да корову съ теленкомъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да четыре четверти хлѣ-

¹⁴⁾ Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 83—84.

денегъ да кобылу съ же-
ребенкомъ, да быка съ
коровою, да запасу вся-
каго хлѣба 40 четвертей.

Потомъ же нача убогій
третьему испцу по судей-
скому указу говорить: я
де стану подъ мостомъ, а
ты взыди на мостъ, а ты
съ мосту бросися на меня
такоже, якоже азъ на от-
ца твоего. Онъ же раз-
мышляя въ себѣ: аще
мнѣ броситися, его будетъ
не убити, а себя буде уби-
ти. И нача истецъ мирити-
ся и даде ему 30 руб-
левъ денегъ да лошадь съ
коровою.

Судя же высла чело-
вѣка своего къ отвѣтчику
и велѣлъ у него взять по-
казанные три узла. Чело-
вѣкъ же судейскій нача
у него трехъ узловъ про-
сити; онъ же вынявъ изъ
шапки заверченный камень
въ платѣ, показа тому че-
ловѣку, и человекъ нача
его вопрошати, что то за
камень кажешь. Онъ же
рече: я де того ради сей
камень судѣбъ казати, ка-
бы онъ не по мнѣ судилъ,
и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ
его ушибти. И пришедъ
человѣкъ и сказалъ судѣбъ.
Судья же слыша отъ че-
ловѣка своего и рече: бла-
годарю и хвалю Бога мо-
его, что я по немъ су-
дилъ; акъ бы я не по
немъ судилъ и онъ бы
меня ушибъ. Потомъ убо-
гій отыде въ домъ свой
радуясь и хваля Бога.
(Аминь ¹⁵).

ба, и помирися съ нимъ
вѣчно.

Прійде убогій къ сыну
за отцово убивство, нача
ему говорить, что по су-
дейскому приказу тебѣ
стать на мосту, а мнѣ
подъ мостомъ, и ты бро-
сайся на меня и задави
меня до смерти. Сынъ же
нача помышляти себѣ:
какъ скочу съ моста, его
не задавишь, а самъ ушибу-
ся до смерти, нача съ
убогимъ миритися: даде
ему денегъ 200 рублевъ,
да лошадь, да пять чет-
вертей хлѣба.

Судья же Шемяка вы-
слалъ слугу къ убогому
прошати денегъ 300 руб-
лей. Убогій же показа ка-
мень и рече: аще бы судья
не по мнѣ судилъ, и я
хотѣлъ его ушибти до
смерти. Слуга же приде
къ судѣбъ и сказа про убо-
гаго: аще бы ты не по
немъ судилъ, и онъ хо-
тѣлъ тебя этимъ камнемъ
ушибти до смерти. Судья
же нача креститися: сла-
ва Богу, что я по немъ
судилъ ¹⁶).

¹⁵) Рукопись Публичной Библиотекы, конца XVII и начала XVIII вѣка. Отдѣл. XVII. Q. № 41. 42—45 об. — Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній. IV, 2—5. — Памятники старинной русской литературы. изд. граф. Кушелевымъ-Безбородко. Выпускъ второй; стр. 405—406.

¹⁶) Приведенный текстъ заимствованъ изъ превосходнаго собранія лубочныхъ картинъ, составленнаго покойнымъ Далемъ. Въ отчетѣ публичной библиотекы за 1852 годъ сказано, что Даль принесъ библиотекѣ въ даръ «мно-

Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельство: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ — держать у себя лошадь пока вырастетъ у нея хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ цѣломъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ.

Въ тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ, браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія. Онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждою мѣсто, бѣднякъ задавилъ лежавшаго подъ одеждою ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполне сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ. Такъ какъ отвѣтчикъ привелъ быка ничего не сказавъ объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколоть *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку-отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка

Лубочныя, аниматическія, разположенныя коллекціи лубочныхъ картинъ. Присоединивъ ее къ полученной изъ древлехранилища г. Погодина, публичная бібліотека имѣетъ теперь едва ли не первое въ Россіи, по богатству и разнообразію, собраніе этихъ произведеній протонароднаго искусства и русскаго затѣйливаго остроумія» (стр. 82). — Лучшіе въ своемъ родѣ два экземпляра лубочныхъ картинъ Шемякина Суда въ коллекціи Даля за весьма, весьма немногими исключеніями дословно сходны между собою; даже ошибки одни и тѣ же, какъ напримѣръ «наслекъ» вмѣсто «ночлегъ». Почти единственный и самый крупный вариантъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одной картинѣ: «отдать убогому жену, пока у ней ребенка сдѣлаетъ... и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать». Въ другой: «пока у ней ребенокъ родится». Такая замѣна для соблюденія большаго приличія выраженія произошла быть можетъ вслѣдствіе цензурныхъ требованій: она встрѣчается именно въ томъ экземплярѣ, гдѣ есть дозволеніе цензора, на первомъ же экземпляръ нѣтъ этого дозволенія. До 1822 года лубочныя картины выходили безъ цензуры; съ этого времени они подчинены полицейскому надзору, а съ 1826 года—общему цензурному уставу (Лубочныя картинки, соч. Снегирева. 1861, стр. 16).

царь приказываетъ бѣдняку взять ее себѣ въ жены и прижить съ нею другого ребенка, и т. п. ¹⁷⁾.

Въ индѣйской сказкѣ о каирскомъ купцѣ подсудимый — солдатъ, взявшій у жида займы деньги подъ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая вслѣдствіе этого выкидывается. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастіе: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе, по остальнымъ обвиненіямъ — тѣже приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской ¹⁸⁾.

Идеаломъ правдиваго судьи для средневѣковой Германіи былъ Карлъ Великій. Имя его вошло въ пословицу: и „Карловъ судъ“ значило тоже, что правый судъ и судъ по старинѣ ¹⁹⁾. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія напечатана пѣсня о судѣ Карла Великаго, представляющая много сходнаго съ повѣстью о судѣ Шемяки. Въ 1493 издана въ Бамбергѣ пѣсня о Карлѣ подъ такимъ заглавіемъ: Von keiser Karls recht. Wie er ein kauffman und ein juden macht slecht, Von eins pfunds schmerbs weden das er aus seines seiten. M. gl. v'setzt het ²⁰⁾. Второе изданіе вышло въ Страсбургѣ въ 1498 году. Понятно, что изданія эти составляютъ библиографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ и въ нашей публичной библіотекѣ, обладающей значительнымъ количествомъ произведеній европейской печати пятнадцатаго вѣка и между прочимъ 1493 и 1498

¹⁷⁾ Benfey: Panschantra. I, 394—397.

¹⁸⁾ Тамъ же. I, 402—403.

¹⁹⁾ Histoire poétique de Charlemagne par Gaston. Paris. 1865. стр. 353—356. — Gesammtabenteuer, herausgegeben von Fr. H. von der Hagen. 1850, II, 637—641.

²⁰⁾ Panzer's Annalen der ältern deutschen Literatur. Nürnberg. 1788. I, 207. (es ist dasselbe in IX gesetz abgetheilt und vermutlich von einem alten meistersänger vorfertigt worgen).

Lehrbuch einer literärgeschichte der berühmtesten völker des mittelalters, von Grasse. 1842. 3 abtheilung, 1-e hälfte, s. 302—303.

годовъ. Не только самый текстъ, но и подробное изложеніе его въ статьѣ Доцена, вышедшей въ 1811 году, стало уже рѣдкостью, такъ что Бенфей приводитъ содержаніе пѣсни по извлеченію изъ Доцена, сдѣланному Зимрокомъ въ извѣстномъ трудѣ его объ источникахъ Шекспира. Другіе ученые также ограничиваются пересказомъ Зимрока, выражая сожалѣніе о невозможности пользоваться статьею Доцена. Поэтому приводимъ вполнѣ важную для нашей цѣли пѣсню въ томъ видѣ, какъ изложена она у Доцена ²¹⁾.

— Купецъ, которому счастье помогло нажить значительное богатство, умирая оставилъ все состояніе своему единственному сыну. О воспитаніи его отецъ приложилъ много заботы, и пѣсня восхваляетъ цвѣтущаго и веселаго духомъ, превозносящагося надъ другими, юношу — *der jung war frisch und wohlgemut und brach sich da für andre seines gleichen*. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сынъ бросился въ шумныя удовольствія; состоянія едва хватило ему на годъ, и онъ увидѣлъ передъ собою нужду и бѣдность. Для собственнаго спасенія онъ рѣшается попытать счастья въ чужихъ земляхъ. Съ этою цѣлью онъ отправляется къ богатому жиду занять у него тысячу гульденовъ, которые скоро и получаетъ, обѣщая жиду въ случаѣ, если не возвратитъ суммы къ назначенному сроку, фунтъ своего мяса — *ein pfund schmer's aus seinem leibe*. Онъ уѣзжаетъ въ чужую сторону; гамъ ему повезло, и скопивши три или четыре тысячи гульденовъ, онъ спѣшитъ уплатить долгъ къ назначенному времени. Но жиды не застаютъ на мѣстѣ жительства, и только на третій день находятъ его въ другомъ городѣ, пріѣхавши туда по своимъ дѣламъ. Жидъ утверждаетъ, что контрактъ нарушенъ, срокъ пропущенъ, и потому онъ имѣетъ право получить неустойку. Напрасны все оправданія; купецъ вынужденъ отправиться съ жидомъ къ импе-

²¹⁾ Museum für alsdeutsche literatur und kunst, herausgegeben von dr. F. H. v. d. Hagen, B. J. Docen, dr. J. G. Büsching und B. Hundeshagen. 1811. Zweiter Band.: Docen: Etwas über die quellen des Shakspeare'schen schauspiel. Nebst einer altdutschen erzählung: Kaiser Karls Recht. s. 279—283.

ратору, чтобы онъ разсудилъ ихъ по справедливости. Императоръ былъ тогда Карлъ: имя его извѣстно было далеко, и бѣднѣе и богачей судилъ онъ одинаково правдиво²²⁾. Со страхомъ идетъ купецъ къ замку императора, боясь, что судья не допуститъ отступленія отъ буквального смысла контракта. На пути онъ заснулъ отъ утомленія и не замѣтилъ какъ лошадь его раздавила ребенка, неосторожно бѣжавшаго на дорогѣ. Отецъ ребенка бросается за нимъ и обзываетъ его убійцею, но жидъ удерживаетъ его отъ насилія и предлагаетъ отправиться вмѣстѣ къ двору императора, чтобы получить удовлетвореніе. Когда прибыли они, всѣ трое, императоръ былъ въ отсутствіи. Купца держали подъ строгимъ присмотромъ, но съ нимъ приключилась новая бѣда: заснувши слишкомъ близко отъ окна онъ свалился за окно и спасся только тѣмъ, что попалъ на сидѣвшаго на скамьѣ подъ окномъ стараго рыцаря, котораго и убилъ своимъ паденіемъ. Узнавши объ этомъ, юный сынъ рыцаря бросился на купца и закололъ бы его, если бы жидъ не остановилъ его и не объяснилъ, что первую казнь несчастный долженъ вытерпѣть отъ него. — Между тѣмъ императоръ приказываетъ снарядить судъ и привести стороны. Прежде всего—жалоба жида, которую купецъ не отрицаетъ, говоря однакоже, что онъ пришелъ въ срокъ, но не нашель „собаки“ на мѣстѣ жительства. На это императоръ постановляетъ: купецъ подлежитъ наказанію, и жидъ долженъ самъ вырѣзать изъ его тѣла условленный фунтъ мяса, но не болѣе и не менѣе; если же онъ ошибется хотя на одинъ гранъ, то ему угрожаетъ смерть. Услышавъ такой приговоръ, и видя что дѣло проиграно, жидъ объявилъ, что онъ даритъ противнику все и къ тысячѣ гульденовъ прибавляетъ еще двѣсти гульденовъ. Затѣмъ очередь пришла къ тому, чье дитя задавлено. Онъ обвиняетъ купца въ смертоубійствѣ; купецъ признаетъ фактъ, но утверждаетъ, что это произошло не предна-

²²⁾ Подъ именемъ Карла здѣсь надо понимать, безъ сомнѣнія, Карла Великаго, хотя происшествіе, лежащее въ основѣ, скорѣе могло бы быть отнесено ко временамъ Карла IV, ибо древнѣйшія саги не восходятъ ранѣе XIV вѣка (примѣчаніе Доцена).

мѣренно. Императоръ уговариваетъ истца удовольствоваться денежною пенею: вѣдь новая смерть дѣлу не поможетъ и его дитяти не оживить. Но все напрасно: истецъ настаиваетъ на смерти своего противника. На это послѣдовалъ такой приговоръ императора: „положи его съ твоей женою, чтобъ онъ сдѣлалъ ей другаго ребенка“. — „Ну его и съ ребенкомъ“, сказалъ истецъ —

leg ihn zu deinem weibe,
dass er ein ander kind ihr mach'
nein! sprach der mann, das kind lass ich eh' fahren.

Судья утѣшаетъ его, говоря, что во имя Бога надо простить то, что случилось неумышленно. — Наконецъ является сынъ убитаго рыцаря и требуетъ у императора суда надъ убійцею. Безъ дальнихъ околичностей судья произноситъ свой приговоръ, по которому для того, чтобъ вполнѣ отомстить за отца, предоставляется сыну броситься изъ окна на отвѣтника, котораго посадятъ внизъ на скамѣ, и убить его своимъ паденіемъ. Но молодой рыцарь, боясь промахнуться, находитъ болѣе выгоднымъ отказаться отъ иска — *mir nicht, ich möcht daneben fallen*. Такимъ образомъ купецъ отдѣлся счастливо отъ всѣхъ преслѣдованій, возблагодарилъ императора, радостно отправился восвояси и сталъ тамъ весело жить да поживать. Въ заключеніе разсказа снова восхваляются судьи, соединяющіе съ милосердіемъ справедливость и укрѣпляемые Господомъ въ славѣ и чести своей — *die mit erbarmung mischen das recht*:

und die das thun, der ehre will Gott stärken. —

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что нѣкоторыя черты русской повѣсти встрѣчаются и въ сказаніяхъ другихъ народовъ, и если сравнить эти сказанія между собою во всемъ ихъ объемѣ, то окажется, что одни черты иногда замѣняются другими. Такая замѣна объясняется постепеннымъ наслоеніемъ сказанія, въ которое вносились различныя подробности, казавшіяся въ то или другое время, въ той или другой мѣстности, болѣе важными и занимательными. При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными

бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно—условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника. Этотъ эпизодъ, повторяясь во многихъ легендахъ, получилъ громкую извѣстность въ европейскомъ литературномъ мірѣ благодаря Венеціанскому купцу Шекспира.

Высказано было нѣсколько соображеній объ источникѣ преданія о такомъ возмутительномъ и безчеловѣчномъ требованіи. Одни указываютъ на законы двѣнадцати таблицъ, другіе—на буддійскія легенды и преданія, и т. д.

По свидѣтельству Авла Геллія, римскіе законы дозволяли несостоятельнаго должника заковать въ желѣза, держать его въ заключеніи шестидесять дней и наконецъ подвергнуть смертной казни; если онъ долженъ былъ многимъ, то займодавы имѣли право разсѣкать его на части ²³⁾. Квинтилианъ говоритъ: есть вещи сами по себѣ предосудительныя, но тѣмъ не менѣе дозволяемыя закономъ—таково постановленіе двѣнадцати таблицъ, дозволяющее займодавцамъ дѣлить между собою разрубленное на части тѣло должника ²⁴⁾.

Бенфей возводитъ къ буддійскому источнику всѣ преданія о кровавыхъ казняхъ — о вырѣзываніи мяса, объ искалѣчиваніи и увѣчьяхъ, и т. п., и объясняетъ эти жестокости господствующими въ буддійскомъ мірѣ идеями о самопожертвованіи, доведенномъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Буддійскія легенды говорятъ о принесеніи себя въ жертву подъ видомъ оленя или рыбы; объ отдачѣ своихъ глазъ слѣпому нищему; о готовности отдавать себя на съденіе по частямъ. Какой-то царь — гласитъ легенда — долженъ былъ спастись бѣгствомъ съ женою своею и сыномъ; онъ взялъ съ собою необходимый запасъ пищи; но несчастью путники сбиваются съ дороги, имъ приходится странствовать гораздо бо-

²³⁾ Auli Gellii Noctes Atticae. Lib. XX, cap. I. 45—50.

²⁴⁾ M. Fabii Quintilianii Oratoriae institutionis lib. III, cap. VII: . . . sunt enim quaedam non laudabilia natura, sed jure concessa, ut in XII tabulis debitoris corpus inter creditores dividi licuit, quam legem mos publicus repudiavit . . .

лѣе нежели предполагалось, и весь взятый запасъ истощается. Тогда сынъ предлагаетъ родителямъ питаться его тѣломъ, вырѣзывая изъ него мясо кусокъ за кускомъ, потому что если бы вдругъ убить его, то мясо скоро бы испортилось отъ сильнаго зноя. Родители принимаютъ предложеніе сына и дѣлятъ между собою куски его мяса ²⁵).

Въ старинной русской литературѣ извѣстна была легенда о вырѣзываніи жидомъ человѣческаго мяса; о ней упоминается у одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей семнадцатаго столѣтія—Іоанникія Галатовскаго († 1688). Въ сочиненіи своемъ: „Мессія правдивый“, въ которомъ собрано много средневѣковыхъ обвиненій, направленныхъ противъ евреевъ, Галатовскій говоритъ: „въ Константинополѣ жидъ христіанинови убогому певную злота сумму позичилъ, жебы назначеннаго часу и долгъ и мѣсто лихвы двѣ унціи тѣла своего отдать жидови. Христіанинъ долгъ ему отдать, лихвы такой не хотѣлъ дати. Довѣдавшися о томъ Салиманъ цесарь турецкій казалъ брытву принести и до жида мовилъ: чини ведлугъ права твоего—з которониколвекъ части хочешь тѣло вырѣжь, а нѣ больше, а нѣ меньше надъ двѣ унціи, бо если ся помилншь, смертю будещъ караный. Жидъ, смертю пристрашенный будучи, зискъ отпустилъ христіанинови“ ²⁶). Нашъ авторъ опредѣленно указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свое извѣстіе о константинопольскомъ жидѣ: „Егѣдый Коррозеть о мовахъ и учинкахъ памяти годныхъ пишетъ“. Французскій писатель Егидій Коррозеть, Gilles Corrozet (1510—1568) парижскій типографъ, самоучка ученый, написалъ много сочиненій, и въ числѣ ихъ *Les divers propos mémorables des nobles et illustres homes de la chrestienté*. Paris. 1556, выдержавшее нѣсколько изданій ²⁷).

Опуская нѣкоторыя черты изъ цикла сказаній о судахъ, русская повѣсть удерживала другія, разнообразя ихъ по своему.

²⁵) Benfey: *Pantschatantra*. I, 389—391.

²⁶) Мессія правдивый. . . . Иоанникія Галатовскаго архимандрита Черниговскаго. Року 1669, л. 391.

²⁷) *Trésor de livres rares et précieux ou nouveau dictionnaire bibliographique*, par Grässe. 1861. T. II, p. 275—276.

Занимательность сюжета способствовала его популярности. Русские читатели, переписчики и пересказчики легко усваивали себя пришедшее къ нимъ изъужа, добавляя его новыми подробностями и давая отчасти новый колоритъ. Изъ предложенныхъ фактовъ оказывается, что приговоры Шемяки — прижить ребенка съ женою истца и упасть на сына убитого — встрѣчаются въ сказаніяхъ тибетскомъ, индійскомъ и нѣмецкомъ. Въ польской юмористической литературѣ извѣстенъ также рассказъ о каменщикѣ, который упалъ съ высокой башни и убилъ сидѣвшаго внизу человека, а будучи позванъ въ судъ сказалъ истцу: взойди туда, откуда я упалъ, а я сяду тамъ, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, — бросайся внизъ и убей меня до смерти ²⁸⁾. Этотъ рассказъ помѣщенъ въ польской передѣлкѣ похожденій нѣмецкаго народнаго шута: Eulenspiegel — по польски *sowi-zrzał* (зеркало) обратился по забавной этимологін, основанной на созвучіи, въ совѣст-драль. Тотъ же рассказъ встрѣчается и въ нѣмецкихъ юмористическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *vademesum* ²⁹⁾. Эти сборники не чужды были и нашей литературѣ: въ концѣ прошлаго столѣтія переведенъ съ нѣмецкаго для увеселенія больныхъ вадемекумъ, въ которомъ рассказывается, какъ взятый русскими въ плѣнъ въ сраженіи при Вильнѣ въ 1658 году большой фельдмаршалъ говорилъ съ врачомъ итальянцемъ о креморь-тартари, а стража думала, что они толкуютъ о враждебныхъ Россіи крымскихъ татарлахъ, и т. п. ³⁰⁾.

Показыванье камня судьѣ не составляетъ исключительной особенности русской сказки: г. Тихонравовъ приводитъ поразительно сходную, по тону и мотиву, черту изъ польскаго писателя шестнадцатаго вѣка Рея изъ Нагловищъ. У подеудимаго — говорить Рей — лежалъ за пазухой камень, а судья принялъ его за

²⁸⁾ Похожденіе хитраго и забавнаго шута Совѣст-драла большаго носа, Переведенное съ польскаго и дополненное съ другихъ языковъ. 1793. Ч. II, стр. 173—174. — Статья г. Тихонравова: Шемякинъ Судъ, стр. 36—37.

²⁹⁾ Museum für altdeutsche literatur und kunst. II, 233.

³⁰⁾ Медицинскій вадемекумъ или собесѣдникъ, служащій забавою врачамъ и отрадою больнымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. 1799.

мѣшокъ съ деньгами (worek) и рѣшилъ дѣло въ пользу подсу-
димаго, который объяснилъ ему, что этотъ камень полетѣлъ бы
ему въ лобъ, еслибы онъ рѣшилъ дѣло несправедливо ³¹⁾. По за-
мѣчанію Снегирева появленіе камня въ Судѣ Шемяки напоми-
наетъ старинную пословицу: «съ подъячимъ водись, а камень за
пазухой держи ³²⁾». Эта пословица еще болѣе сближаетъ русскій
разсказъ съ польскимъ народнымъ, переложеннымъ въ стихи
Реємъ изъ Нагловицъ.

Подкупъ судей, ихъ корыстолюбіе и взяточничество состав-
ляютъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ сатирическихъ произве-
деній западно-европейской литературы ³³⁾, откуда весьма многое

³¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности. Книжка пятая. Г. Тихо-
нравова: Шемякинъ Судъ, стр. 37.

³²⁾ Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Сочиненіе
Ив. Снегирева. 1861, стр. 59.

³³⁾ Изъ множества подобныхъ юмористическихъ разсказовъ выбираемъ
два, изъ которыхъ одинъ находится во французскихъ фанеціяхъ, а другой —
въ польскихъ.

De la subtile invention dont s'advisa promptement un procureur du roy
aux eaux et forests pour sauver un accusé en danger d'estre pendu.

Un certain procureur du roy un jour en son auditoire crioit et s'eschauffoit
fort contre un pauvre compagnon appelé Vento accusé d'avoir tué plusieurs cerfs
et biches aux forestz du roy, crime lors capital, auquel temps aussi les procez cri-
minels se jugeoient à huis ouverts et en pleine audience en presence de l'accusé et
disoient les advocats leurs opinions de vive voix n'y ayant point encore de conseil-
lers en la plus part des sieges royaux. Comme donc le juge prenoit les opinions,
Vento, ayant les fers aux pieds, regardoit tantost l'un tantost l'autre à mesure qu'il
opinoit, et voyant que son cas alloit de mal en pis et la plus part etoit d'avis que
l'ordonnance fust gardée et luy en se faisant pendu et étranglé, qui pis est. Le
procureur du roy harranguant aussi magistralement et concluant formellement à
la mort s'advise de demander qu'il luy fust permis de dire un mot en l'oreille du
procureur du roy; ce que luy estant permis, mit subtilement et sans qu'on s'en
apperceust en la main gauche du procureur un anneau de la valeur d'environ dix
escus luy disant seulement en l'oreille qu'il eust pitié de luy et ne le poursuivist
si rigoureusement. Ce qui mortifia et abbatit tellement les paroles de ce criant
qu'à l'instant renuerça son plaidoié et tout ce qu'il avoit dit auparavant; s'escri-
ant, Ha Vento! puisse tu devenir biche. Messieurs, voyez je vous prie le danger
où il mettoit nos consciences; il me vient de dire qu'il est clerc et tonsuré, je ne
peux empêcher qu'il ne soit renvoyé à son evesque. Le juge et les advocats fu-
rent bien esbahis d'un si soudain changement et d'une si prompte et dextrement
inventée menterie et eschapatoire moyennant laquelle Vento fut renvoyé en la cour

перешло и въ польскую литературу съ различными видоизмѣненіями, зависѣвшими отчасти отъ личныхъ цѣлей писателей, отчасти отъ условій народнаго быта ³⁴⁾. Въ польскихъ фавстѣяхъ судьи являютсѣ въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ выставлены они въ слѣдующемъ разсказѣ, сохранившемся какъ въ подлинникѣ, такъ и въ старинномъ русскомъ переводѣ:

O sedzim co go dway darowali.

Wiedli prawo czas niemały dway szlachciców. Jeden który sprawiedliwsza miał aby mógł mieć przedszo odprawę darował sędziemu wielki rydwan. Adwersarz jego obaczywszy to, darował sędziem parę koni dobrych. Rospierając się prawem wskazał sędzia za onym co mu konie darował. On co rydwan dał rzecze sędziemu: p. sędzia zleście mój rydwan nakierowali. Rzecz sędzia: nie dziwny się konie go nakierowały jako konie ci-

O судіахъ и о издопримствѣ.

Предъ судіею нѣкоимъ прилѣжаша о цѣкое правдоичесныхъ людей время не мало. И единъ уповая получить себѣ яко правѣ ему бѣ, но дабы скорѣйшую отправу возымѣти, дарова судіи великій и дивный рыдванъ. Соперникъ, иже неправо хотѣ одержати, увѣдавъ сіе, дарова судіи великихъ и дивныхъ возниковъ. По семъ предъ судіею препирающеся положеніемъ законна, судія присуди и подутверти да

d'Eglise où depuis qu'un accusé est renvoyé il en sorte tousiours la viesauve eust-il mangé une charrette ferrée, vray est que sa bource y demeure vide le plus souvent. (Les joyeusetes facécies et folastres imaginations etc. 1829. Facécieux devis et plaisans contes par le Sr. Moulinet comédien. p. 16—18.

³⁴⁾ Facecyae polskie albo żartowne a trefne powiesci biesiadne tak z rozmaitych authorow, jako tez y z powiesci ludzkiej zebrane.—Экземпляръ (безъ конца) Публичной Библіотеки; печат. нѣмецкимъ шрифтомъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

O raycy lakomym.

Do radziec w jednym mieście przyszedł mieszczanin prosić aby mu plac wymierzono na mieyskim gruncie. Przyzwola wszyscy. Tylko jeden, który był principał między nimi, był przeciwko temu, tak iż onego dnia nie konkludować nie mogli. Nazajutrz on mieszczanin szedł do onego rayce na pokoy, przyniosł mu dziesięć talerow, aby przeciwko temu nie był, a swoje votum dał za nim. Wziął chętnie. Gdy ta rzecz zaś przedradę przyszła, on pan rayca, co peniadze wziął, poczał od nego rzecz prawić i prosić aby iako się onegdaj zezwoliło plac temu mieszczaninowi wymierzyć. Rayce się dziwił co mu się stało, a mieszczanin obrocivszy się do sasiadow rzecze: patrzcie jako brzecha moje talery. Dobrze on poeta napisał:

Munera crede mihi placant hominesque deosque,
Placatur donis Juppiter ipse datis.

Polacy tak mówia :

Błagaia Boga szluszne ofiary
U ludzi zasie przyjemne dary.

agnely, tak rydwan musiał iść. Pospolita
przypowieść: kto lepiej nasmaruje tomu
nie skrzypi. Pane sedzia,
Pomni na mary, Nie sódz za dary ³⁵).

ровавшему возники. Оный же неправедно обвиненный узрѣ ѣдуща судію въ рыдванѣ своемъ на оныхъ возникахъ рече: господине, како толико неправедно одержалъ еси мой сій рыдванъ. И рече судія: не вѣмъ како, точю сильные возники увезоша, поелику тянуша толико и упредиша.

Общая приповѣсть: кто больши мажетъ, тотъ не скрыпнѣтъ; но о судіи, помните на мары, не судите за дары ³⁶).

Въ одномъ изъ сборниковъ конца XVII или начала XVIII вѣка тотъ же сюжетъ передается въ стихахъ съ нѣсколькими измѣненными подробностями ³⁷).

Судія нѣкто дароимецъ быше.
Отъ прю имущихъ дары воспріае:
Сосудъ елей взя отъ одинаго,
А веоря тучна прія отъ другаго,
И сего судомъ своимъ оправдалъ есть,
Онаго паки винна сотворилъ есть.
Пришедшу же въ домъ иже елей далъ есть,
Судія кривый сице отвѣщалъ есть:
Прости ми, рече, забыхъ благодати,
Яко ты елей изволи ми дати:
Вина же тому веоря питанный быше,
Иже вшедь въ домъ мой елей проліае.
Оле судіи! иже усамися,
Яко отъ правды кепромъ отлучися.

Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справе-

³⁵) Facessuae polskie—названный въ примѣчаніи 34-мъ экземпляръ Публичной Библіотеки.

³⁶) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 12.

³⁷) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 41.

дливости, какъ Соломонъ или Карлъ Великій. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и воззрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической — рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у нея снова вырастетъ хвостъ. Камень также является здѣсь какъ орудіе мести несправедному судѣ.

Въ высшей степени любопытную и разнообразную массу легендъ и преданій, переходившихъ у семитовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляютъ памятники еврейской литературы, отличающіеся болѣе или менѣе апокрифическимъ характеромъ. Таковы преимущественно: Вавилонскій Талмудъ ³⁸⁾ и *Sepher Hajaschar*, т. е. Книга Праведнаго ³⁹⁾ — романъ, составленный, по всей вѣроятности, испанскимъ евреемъ въ двѣнадцатомъ или

³⁸⁾ О Талмудѣ см. *Geschichte der Juden*, von E. Graetz. 1853. B. IV, s. 474—478. — Д. А. Хвольсона: О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ, противъ евреевъ. 1861, стр. 54—55, — и мн. др.

³⁹⁾ Такое названіе заимствовано изъ книги Іисуса Навина для приданія произведенію большей важности. О «книгѣ праведнаго» упоминается въ книгѣ Іисуса Навина (X, 13) въ славянскомъ и латинскомъ переводѣ, но въ греческомъ текстѣ этого мѣста нѣтъ. Въ изданіи Тишендорфа (*Vetus testamentum juxta LXX interpretes*. 1850. I, стр. 260): καὶ ἔστι ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη ἐν στασει ἕως ἡμῶντος ὁ θεὸς τοῦς ἐχθροὺς αὐτῶν. καὶ ἔστι ὁ ἥλιος κατὰ μέσον τοῦ οὐρανοῦ, οὐ πρὸς τὸ δύσαι εἰς τέλος ἡμέρας μιᾶς. — Въ славянской библии: И ста солнце и луна въ стояніи, дондеже отмсти Богъ врагомъ ихъ, не сіе ли есть писано въ *книгахъ праведнаго*: и ста солнце посередѣ небесе, и не идыше на западъ въ совершеніе дне единого. — Въ латинской библии: *Substitit ergo sol, et luna stetit, donec vindicata esset gens israelitica ab hostibus suis, nonne hoc scriptum est in libro recti?* (по друг. изд.: *in libro justorum*) *stabat autem sol in medio coelo, neque festinabat ad occasum, quasi diem integrum.* — Понѣмецки переводится: *das buch der redlichen.* — Въ русскомъ переводѣ Библии: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ. Не это ли написано въ *книгѣ Праведнаго*: стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день». (Переводъ, изд. въ 1869 году св. Синодомъ, а равно и переводъ Павскаго).

тринадцатомъ вѣкѣ изъ древнихъ сагъ, перемѣшанныхъ съ историческими сказаніями ⁴⁰). Въ Вавилонскомъ Талмудѣ и въ Книгѣ Праведнаго находится подробное изображеніе содомскихъ судей, раздражившихъ небо своею кривдою, обратившеюся имъ же въ погибель. По свидѣтельству народныхъ легендъ характеръ, дѣйствія и приговоры судей были въ такомъ родѣ:

— Четыре судьи были въ Содомѣ: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-дина (Кривосудъ). Если кто прибѣтъ беременную женщину и она вслѣдствіе этого выкинетъ, то судьи приказывали мужу обиженной отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беременною. Отсѣкалъ ли кто-нибудь ухо у чужаго осла, судьи повелѣвали отдавать осла въ распоряженіе обидчика пока снова вырастетъ ухо у осла ⁴¹).

— Когда приходилъ въ Содомъ нищій, жители не давали ему хлѣба, но каждый приносилъ ему по золотой или серебряной монетѣ, на которой выставлялъ свое имя; бѣдняга умиралъ съ голода, и каждый получалъ обратно свой динаръ ⁴²). Содомляне, по повелѣнію своихъ судей, устроили на улицахъ кровати, и какъ только въ городѣ показывался чужестранецъ, они хватили его, тащили къ кровати и насильно клали его на кровать; трое становились у изголовья и трое у ногъ: если онъ былъ короче кровати, его растягивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его крикъ; если же онъ былъ длиннѣе кровати, то его стягивали, и такимъ образомъ замучивали пришельцевъ до смерти.

— Дочь Лота, исполняясь жалости къ обреченному на голодную смерть пришельцу, тайно давала ему хлѣбъ, скрывая куски

⁴⁰) Zunz: Die gottesdienstlichen vorträge der juden. historisch entwickelt. 1832, стр. 154—156,

⁴¹) Вавилонскій Талмудъ, трактатъ Синедріонъ, л. 109. — Съ признательностью упоминаю о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ при ознакомленіи съ памятниками еврейской литературы профессоромъ Хвольсономъ, а также и гг. Саломономъ Манделькерномъ и Юною Гурляндомъ, принявшими на себя трудъ перевести съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ нѣкоторые мѣста изъ Талмуда и книги Hajaschar.

⁴²) Вавил. Талмудъ, л. 109.

хлѣба въ кувшинѣ, съ которымъ ходила по воду. Когда это обнаружилось, судьи сожгли ее на кострѣ. — Другая дѣвушка накормила и напоила пришельца, и за это приговорена была къ мучительной смерти: судьи приказали обмазать ее медомъ и поставить передъ ульемъ пока пчелы не заѣдятъ ее.

— Какой-то путникъ прибылъ въ Содомъ, и одинъ изъ жителей пригласилъ его провести у него нѣсколько дней, и взялъ на сохраненіе коверъ и веревки, которыми व्यокъ привязанъ былъ къ ослу. Передъ отѣздомъ гость обращается съ просьбою возвратить его вещи, но содомлянинъ сталъ увѣрять, что это — сонъ: длинныя веревки означаютъ долгую жизнь, а пестрый коверъ — виноградникъ съ различными плодоносными деревьями, и требовалъ трехъ сребрениковъ за истолкованіе сна. Судья нашелъ требованіе спотолкователя вполне справедливымъ ⁴³⁾.

— Прибѣтъ ли одинъ другаго до крови, судьи присуждали заплатить обидчику за кровопусканіе. Переѣзжающій рѣку на паромѣ долженъ былъ платить четыре зуза (злота). Однажды прибылъ въ Содомъ прачечникъ, и содомляне стали у него требовать четыре зуза; но онъ объяснилъ, что перешелъ рѣку въ бродѣ; за это избили его до крови. Бѣдняга пошелъ жаловаться въ судъ, и судья приказалъ ему заплатить восемь зузовъ да сверхъ того за кровопусканье ⁴⁴⁾.

— Однажды Сара послала своего вѣрнаго слугу Лазаря (Эліезера) осведомиться о здоровьи ея родственника Лота. Пришедши въ Содомъ, Лазарь увидѣлъ, какъ одинъ содомецъ боролся съ какимъ-то иногородцемъ и сорвалъ съ него платье. Обиженный жаловался Лазарю, и Лазарь обратился къ содомцу съ вопросомъ: «отчего вы такъ обходитесь съ бѣднымъ пришельцемъ?» Содомецъ на это отвѣчаетъ: «развѣ братъ онъ тебѣ или содомцы поставили тебя судьей, что ты вступился за незна-

⁴³⁾ Книга Гайашаръ, отдѣлъ Вайера.

⁴⁴⁾ Вавил. Талмудъ, л. 109.

комца?» Лазарь продолжалъ спорить съ своимъ наглымъ противникомъ, и рѣшился отнять у него силою платье бѣдняка. Тогда содомецъ схватилъ камень и швырнулъ его Лазарю въ лобъ такъ, что кровь брызнула и полилась струей. Увидѣвши это, содомецъ вцѣпился въ Лазаря и сказалъ: «изволь-ка заплатить мнѣ за то, что я пустилъ тебѣ кровь — таковъ у насъ законъ!» Лазарь вскричалъ: «изранилъ меня, и требуешь еще платы!» Но содомецъ потащилъ окровавленнаго Лазаря къ судѣ Шакру (Обману) и говоритъ судѣ: «я пустилъ ему кровь, а онъ теперь отпѣкивается и не хочетъ заплатить». Судья сказалъ отвѣтчику: «правду говоритъ истецъ, — спѣши удовлетворить его требованію согласно съ нашимъ закономъ». Услышавъ такой приговоръ, Лазарь взялъ камень и пустилъ его прямо въ лобъ судѣ, прибавивъ: «посмотри-ка, Шакра, вотъ и я пустилъ тебѣ кровь въ изобилии; по твоему же рѣшенію, и ты въ свою очередь долженъ вознаградить меня за трудъ: и такъ, изволь-ка заплатить мой долгъ моему истцу». Сказалъ и — былъ таковъ⁴⁵⁾.

По семитическимъ преданіямъ, кривой судъ содомлянъ составляетъ діаметральную противоположность съ мудрыми и правдивыми рѣшеніями Соломона. Такая же противоположность является, по замѣчанію Снегирева, между распространенными у насъ апокрифическими сказаніями о судахъ Соломона и судомъ Шемяки. Снегиревъ сопоставляетъ два произведенія, изъ которыхъ въ одномъ изображенъ судъ Соломона, въ другомъ — судъ Шемяки. Къ изображенію Соломонова суда на весьма рѣдкой картинѣ, гравированной въ Москвѣ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, присоединенъ текстъ, поясняющій, что по жалобѣ вельможи, давшему въ займы нищему во снѣ сто рублей, Соломонъ велѣлъ повѣсить эти деньги надъ колодеземъ, и тѣмъ отъ нихъ взять вельможѣ. Рѣзкую противоположность мудрому и правдивому суду Соломона составляетъ кривой судъ Шемякинъ, усвоенный нашею лубочною литературою⁴⁶⁾.

⁴⁵⁾ Книга Гайашаръ, отд. Вайера.

⁴⁶⁾ Снегирева: Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 58—59.

Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ серьезное, отличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ отбѣивается сатирою, проглядывающею въ поступкѣ Лазаря съ судьей, такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти, должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто-русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ лубочныхъ картинокъ, нѣтъ и тѣни сатиры. Судья называется обычнымъ эпитетомъ своимъ: «праведный» — ѣдутъ къ праведному судѣ, сталъ судить праведный судъ, и т. п. Въ рукописяхъ читается: «слава Богу великому, яко судихъ судъ по правдѣ, и т. д.

Главное дѣйствующее лицо въ Шемякиномъ Судѣ — честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности: убогій братъ также «переключалъ» богатаго брата и всѣхъ своихъ враговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ ⁴⁷⁾.

Въ составѣ русской повѣсти слышится нѣсколько мотивовъ; любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривою, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе давнемъ слоб повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача брата и сохранившаго жизнь его сына. вмѣсто благодарности жестокой богачъ требуетъ казни несчастнаго. Тотъ же бѣднякъ изъ состраданія бросается вытаскивать изъ сугроба чужую лошадь, и силясь вытащить ее отрываетъ у нея хвостъ: за это также обвиняютъ его передъ судомъ. Что же оставалось дѣлать эпическому правдивому судѣ, какъ не спасти несчастнаго, являющагося жертвою своей доброты? Изобрѣтательный судья придумываетъ рѣшеніе, избавляющее ни въ чемъ въ сущности не-

⁴⁷⁾ Афанасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ VI, стр. 77—87 и др.

повиннаго бѣдняка отъ нравственно незаслуженной казни. Дѣйствія судьи въ этомъ случаѣ вполне соотвѣтствуютъ голосу народа: «бѣднаго убить — не спасенье нажить; виноватаго кровь — вода, а невиннаго — бѣда» и т. п. Всѣ рѣшенія судьи ведутъ къ тому, чтобы не дать бѣдовика въ руки людей корыстныхъ и жестокихъ. Весь смыслъ легендарныхъ приговоровъ заключается именно въ томъ, что они проносятся надъ человѣкомъ нравственно невиннымъ, ибо онъ обвиняется въ томъ, что совершенно имъ не только безъ всякаго злаго умысла, а напротивъ съ цѣлью благою и доброю, изъ любви къ ближнему. Отчасти онъ является безсознательною жертвою преслѣдующей его бѣды: бѣда шла на него и бѣдой погоняла. . . Пословицы говорятъ: невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ; грѣхъ да бѣда на кого не живетъ; нужда законъ измѣняетъ; *noth hat kein gebot*; *nécessité n'a point de loi*; *unrecht ist auch recht*, и т. д. Убѣжденіе въ нравственной правдѣ суда, спасающаго несчастнаго хотя бы и вопреки юридической правильности, усвоено народною словесностью. Въ силу этого убѣжденія приговоры подобные Шемякинымъ приписываются: на востокѣ — царямъ и судьямъ «мудрымъ, святымъ, прекраснымъ», а на западѣ — Карлу Великому, слывшему въ средніе вѣка правдивѣйшимъ изъ правдивѣйшихъ судей, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ.

При дальнѣйшемъ развитіи легенды эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія ея въ литературѣ — началу сатирическому. Съ появленіемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и правдивый судья изъ эпическаго представителя доброй силы, охраняющей несчастіе, превратился въ судью неправеднаго — кривосуда и взяточника. Время и мѣсто измѣненія мотива такъ же трудно опредѣлить съ точностью, какъ и время и мѣсто первоначальнаго образованія сюжета. Существованіе подобныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ польской, западно-европейскихъ и семитическихъ литературъ не позволяетъ видѣть, подобно Бенфею, въ подкупѣ судьи исключительно рус-

скій мотивъ. Гриммъ, указывая въ сказкахъ чисто-русскія особенности, какъ напримѣръ олицетвореніе кручины и т. п., не отмѣтилъ ни одной такого рода особенности въ Шемякиномъ Судѣ, извѣстномъ ему по тексту лубочныхъ картинъ. Строго говоря, въ повѣсти о судѣ Шемяки собственно русскаго — не ея характеръ, общее содержаніе и мотивъ, а многія подробности, взятія изъ русскаго быта. Горемыка, закабалившій себя за двѣ мѣры ржи; запесенная снѣгомъ дорога съ сугробами, изъ которыхъ вытаскиваютъ проѣзжихъ; нежеланіе отдать дитя въ чужую семью ни за какія деньги; рожденіе вымоленного ребенка; заронъ взять въ кумовья; раздумье о томъ, что хоженова дать нечего, что голова давно смѣчена и не быть живому при тогдашнихъ судебныхъ порядкахъ, и т. д., и т. д. — все это внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками. Самое появленіе попа въ числѣ истцовъ и приговоръ объ отнятіи у него попадья находится въ связи съ тѣмъ, что потеря жены особенно чувствительна для русскаго попа, неимѣющаго права вступать во второй бракъ. Русскій обликъ повѣсти скрѣпляется чисто-русскимъ именемъ судьи — Шемяки. Нѣтъ сомнѣнія что имя это внесено въ повѣсть уже сложившуюся, и невозможно допустить, чтобы она написана была по поводу дѣйствій Шемяки. Въ народной словесности вообще замѣтно стремленіе замѣнять безыменные лица какими либо именами, какъ это встрѣчается во многихъ апокрифахъ и т. п. Впечатлѣніе, произведенное на москвичей Шемякою и его сподвижниками, содѣйствовало тому, что неправедный судья названъ именемъ Шемяки. По свидѣтельству хронографа, отъ временъ Шемяки «въ Велицѣй Руси на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*». Приводя это мѣсто Карамзинъ говоритъ: «не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность москвитянъ къ Василию, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народный пословицѣ *о судѣ Шемякиномъ*,

донынѣ употребительной ⁴⁸⁾). Происхожденіе этой пословицы профессор Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Положеніе Шемяки—говоритъ онъ—«въ Москвѣ на столѣ великокояжемъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василя, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей ютчинѣ, потому что только уступками могъ приобрѣсти расположеніе другихъ князей... Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступить отъ своихъ приобрѣтеній... Обязанный уступать требованіямъ князей союзниковъ въ ущербъ силѣ московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему нерасположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти прогивъ ихъ защиты на *судѣ Шемякинѣ*, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго ⁴⁹⁾.

Нѣкоторыя черты повѣсти, кажуціяся въ наше время чисто-сатирическими, представлялись въ нѣсколько иномъ свѣтѣ стариннымъ читателямъ и въ особенности слушателямъ, отдѣленнымъ отъ насъ нѣсколькими вѣками. По крайней мѣрѣ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшеній Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Кошкина, подтверждаемому законодательными памят-

⁴⁸⁾ Исторія государства російскаго. 1842. Т. V, стр. 188, г. 1146, прим. 338

⁴⁹⁾ Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 1854. Т. IV, стр. 75—76.—К. Н. Бестужева-Рюмина Русская исторія. 1872. Т. I, 414: «въ Москвѣ не любили Шемяку, и преданіе о неправильномъ судѣ Шемякѣ сохранилось до сихъ поръ: С. М. Соловьевъ очень вѣроятно объясняетъ это преданіе тѣмъ, что галицкіе бояре давили москвичей».

никами, несостоятельный должникъ отдаваемъ былъ въ слуги заимодавцу, и если «господинъ тому человѣку учинить наругательство, съ сердца переломить руку или ногу, или глазъ выколетъ, или губы или носъ или уши или иное что обрѣжетъ: и ему противъ того жъ будетъ указъ учиненъ самому — рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ тогожъ. А будетъ тотъ его увѣчной человѣкъ отъ его наругательства умереть, и того господина самого казнить смертію, и т. д.⁵⁰⁾. За убійство казнили смертію; за поджогъ — сожигали виновнаго; кто лилъ фальшивую монету, тому заливали горло, и т. п. По Уложенію: «а кого кто убьетъ съ умышленія, такова убійцу казнити смертію; которые денежные мастера учнутъ дѣлати мѣдныя или оловянныя или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавливати мѣдь или олово или свинець, за такое дѣло — залити горло; а будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ, и такова зажигальщика сжечь». (Уложеніе: XXI, 75; V, 1; X, 228).—Самъ историческій Шемяка, имя коего сдѣлалось прозвищемъ «всякаго судьи—восхитника», прибѣгнулъ къ равносильному возмездію: за ослѣпленіе отомстилъ тѣмъ, что ослѣпилъ виновнаго. — Въ судопроизводствѣ наблюдались нѣкоторыя пріемы, напоминающіе гаданья и другія диковинныя вещи, описаніе которыхъ можно встрѣтить въ старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Къ числу стародавнихъ юридическихъ обычаевъ принадлежитъ судъ жребіемъ: и по Судебнику и по Уложенію въ искахъ гражданскихъ, преимущественно долговыхъ, возникавшихъ между русскими и чужеземцами, дѣло рѣшалось по жребію: «чей ся жеребей выйметъ, тотъ, поцаловавъ, свое возьметъ или отцалуется». Англичанинъ, бывшій въ Россіи въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, такъ описываетъ свой процессъ съ русскимъ купцомъ: «Я былъ долженъ русскому купцу шестьсотъ рублей, а онъ требовалъ съ меня вдвое. Надлежало прибѣгнуть къ жеребью. Въ судной палатѣ толпилось множество людей. Судьи

⁵⁰⁾ Кошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; гл. VII, ст. 40, стр. 95 (изд. 1840 г.).— Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: XXII, 10.

взяли два шарика восковые — одинъ съ моимъ, другой съ его именемъ, кликнули незнакомаго человѣка изъ толпы зрителей, бросили ему шарикъ въ шапку, и велѣли другому зрителю вынуть голою *правою* рукою одинъ изъ нихъ: вынулъся мой. Я заплатилъ шестьсотъ рублей... народъ славилъ правосудіе небесное⁵¹⁾».

Хотя взглядъ на ту или другую черту могъ постепенно измѣняться, тѣмъ не менѣе занимающій насъ памятникъ въ его цѣломъ составѣ причисляемъ былъ къ сатирическимъ уже въ началѣ восемнадцатаго и даже въ концѣ семнадцатаго вѣка. Такъ можно заключить изъ того; что составители сборниковъ считали его заимствованнымъ изъ польскихъ жартъ и помѣщали рядомъ съ юмористическими произведеніями. Въ сборникѣ, хранящемся въ публичной библіотекѣ, непосредственно передъ Судомъ Шемяки помѣщена Притча о старикѣ, ухаживающемъ за молодою женщиною, которая говоритъ ему: а тебѣ у меня старому смерду — спать на полу на голыхъ доскахъ, а въ головы тебѣ жерновъ дресвяной камень, да пожалую тебя — велю дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ѣшь сухой хлѣбъ; а сопернику старика — крупчатые калачики, сдобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да вино въ кубцѣ — золотомъ вѣнцѣ, лебединая перина да чижевое зголовье, да соболиное одѣяло, и т. п. За Шемякинымъ Судомъ помѣщенъ разговоръ двухъ товарищей — пьющаго съ непьющимъ и затѣмъ — о чаркахъ, сколько кому пить: текстъ обоихъ статей находится и на лубочныхъ картинахъ.

Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ

⁵¹⁾ Карамзина: Исторія государства російскаго. Т. IX, примѣч. 788.

Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1832. Книжка III, стр.

и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду и безспорно извѣстны были и на Руси. Эти сказанія тѣмъ скорѣе могли при-
виться въ русскомъ обществѣ, что они находятся въ тѣсной связи
съ любимыми нашей стариной апокрифическими произведеніями.

Не вдаваясь въ область догадокъ и произвольныхъ выво-
довъ и основываясь единственно на фактахъ, приведу въ заклю-
ченье одинъ изъ нихъ, которому нельзя отказать въ значеніи при
всестороннемъ изслѣдованіи памятниковъ нашей древней литера-
туры. Весьма популярна была у насъ легенда о хромцѣ и слѣпцѣ,
приставленныхъ оберегать роскошный садъ: она приводится у пи-
сателя двѣнадцатаго столѣтія, она встрѣчается во многихъ древ-
нихъ прологахъ, она перешла даже въ народныя загадки: «слѣ-
пецъ увидѣлъ зайца, хромой догналъ и положилъ нагому за
пазуху: слѣпецъ — душа человѣка, хромой — тѣло, заяцъ въ
полѣ — ѣда и питье, нагому за пазуху положилъ — въ ротъ vlo-
жилъ» и т. п.⁵²⁾. — Смыслъ русской легенды и ея иносказаніе
заключается въ томъ, что душа и тѣло (слѣпецъ и хромецъ) не-
разрывно соединены въ человѣкѣ, вмѣстѣ участвуютъ во всѣхъ
человѣческихъ дѣйствіяхъ, а потому должны нести обоюдную
отвѣтственность, и въ день суда подвергнутся за грѣхи совокуп-
ному наказанію. Таже мысль и въ тѣхъ же образахъ выражена
въ слѣдующей легендѣ вавилонскаго талмуда, поразительно сход-
ной съ русскою въ той части, гдѣ рѣчь идетъ о слѣпцѣ и
хромцѣ:⁵³⁾.

— Однажды Антонинъ Пій (часто бесѣдовавшій съ рабби
Іегудой святымъ) сказалъ ему между прочимъ, что, по его мнѣ-
нію, плоть и душа могутъ освободиться отъ загробнаго при-
говора.

— А какъ такъ? спросилъ рабби.

— А такъ, возразилъ Антонинъ, что плоть можетъ оправды-
ваться говоря: «душа виновата, потому что съ тѣхъ поръ, какъ

⁵²⁾ О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго (во второмъ выпускѣ рукописей
графа А. С. Уварова), стр. 42—48, 54—55.

⁵³⁾ Вавилонскій Талмудъ, гл. II, стр. 81.

она отлучилась отъ меня, я лежу въ могилѣ безмятежно, словно мертвый камень». Душа же можетъ точно также утверждать, что плоть согрѣшила, ибо «съ тѣхъ поръ, какъ она оставлена мною, я порхаю въ эфирѣ свободно какъ птичка».

— Рабби отвѣтилъ: я приведу тебѣ примѣръ, уясняющій это дѣло. Жилъ-былъ царь, у котораго находился великолѣпный садъ съ прекраснымъ виноградникомъ. Въ немъ онъ посадилъ двухъ стражей: хромого и слѣпаго. Разъ хромой говоритъ слѣпому: «я вижу въ саду прекрасный виноградъ, — возьми-ка меня на плечи, и вмѣстѣ отираемся за лакомствомъ». Слепой послушался, хромой сѣлъ на слѣпаго, и доставши виноградъ, съѣли его. Спустя нѣсколько времени явился къ нимъ хозяинъ сада. На вопросъ хозяина, куда дѣлся прекрасный виноградъ, бывший въ саду, хромой отпирался говоря: «вѣдь я безъ ногъ, какъ же я могъ за нимъ пойти? Слепой же, подобно ему, отрекался сказавъ: «вѣдь я безъ глазъ, какъ же я могъ увидѣть его»?... Но что сдѣлалъ хозяинъ? Онъ посадилъ хромого на слѣпаго, и наказалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

— Подобно хозяину сада поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, помѣщаетъ ее вторично въ плоть, и наказываетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.